

ЗАПИСКА О КНЯЗѢ М. С. ВОРОНЦОВѢ.

Кто именно писалъ нижеслѣдующія страницы (сохранившіяся въ современномъ спискѣ и, къ сожалѣнію, не имѣющія конца), намъ неизвѣстно навѣрное. Писалъ докторъ, можетъ быть Эрастъ Степановичъ Андріевскій, столь близкій къ князю Воронцову въ послѣдніе года его жизни. Мы обращались въ 1884 году за объясненіемъ къ его сыну, но отвѣта не было нами получено. П. Б.

Въ главномъ кабинетѣ дома Воронцовыхъ, что на Одесскомъ Приморскомъ бульварѣ, была большая суматоха. Слуги суетливо перебѣгали чрезъ комнату, чиновные люди толпились кружками возлѣ оконъ и шепотомъ переговаривали между собою. Возлѣ камина на кушеткѣ лежалъ, полуодѣтый и укрытый по обычаю тогдашняго времени шинелью военной формы, графъ Михаилъ Семеновичъ.

Я вошелъ въ комнату и замѣтилъ, какъ это въ жизни бываетъ, не только глазами, но всею системою моего чувственного существа, что сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Отъ меня не ускользнули ни выраженія любопытства и недовѣрія, ни насмѣшливыя улыбки, ни холодные какъ ледъ и гордые взгляды. Почти на каждомъ лицѣ я читалъ вопросъ: а это зачѣмъ?

Вотъ что случилось въ продолженіе дня. Графъ Михайло Семеновичъ, который съ юныхъ лѣтъ сохранилъ страсть къ морю и морскому дѣлу, ѣздилъ на военный корветъ „Θемистоклъ“; возвращаясь оттуда и выходя при довольно сильной погодѣ на берегъ, онъ оступился: его нога попала между камнемъ, лежавшимъ у пристани, и бортомъ шестерки, на которой только что подняли весла. Ударъ приплющилъ голень, причинилъ значительную боль, но важнаго поврежденія не произвелъ

Послѣ осмотра мною ноги, графъ Михайло Семеновичъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, можетъ ли онъ при настоящемъ его

состояніи, безъ опасенія для своего здоровья, предпринять дальній путь? Я отвѣтилъ: можете. Было очевидно, что никто такого положительнаго отвѣта не ожидалъ. Торчатѣли, стоявшіе у оконъ, помаленьку начали стягиваться къ дверямъ адъютантской, въ которой завязался довольно шумный разговоръ. Проходя чрезъ нее, я уловилъ восклицанія въ родѣ нижеслѣдующихъ: *Mais comment donc! Mais qu'est ce qu'il en sait?* Чортъ возьми, начнется опять фельдъегерская и т. п. За всѣмъ тѣмъ однакожъ спустя нѣскольکو недѣль, графъ Михайло Семеновичъ присутствовалъ въ С.-Петербургѣ на парадѣ при открытіи колонны, воздвигнутой блаженныя и вѣчно-незабвенныя памяти Государю Императору Александру I-му. Мое „можете“ вполне оправдалось.

Это происходило въ Іюль и Августъ 1834 года. Около четверти вѣка, послѣ того, въ Ноябрь 1856, тотъ же кабинетъ, о которомъ мы говорили, былъ свидѣтелемъ сцены болѣе сокрушительнаго смятенія. На лицахъ вы уже не встрѣтили бы ни одного сомнительнаго выраженія: всѣ дышали однимъ чувствомъ, всѣ были проникнуты одной мыслію, тою высокогрознаю мыслію, которая, овладѣвъ человѣкомъ, обладаетъ его лдяною дрожью по кипящей крови; тою мыслію, которая какъ громомъ поразила присутствующихъ, когда Массильонъ, подошедъ къ смертному одру Людовика Великаго, воскликнулъ: *единъ Богъ—только Богъ великъ!*

Вотъ что случилось въ продолженіе дня. Князь Михайло Семеновичъ, послѣ плохой и безпокойной ночи, занялся однакожъ въ постели своими обычными распоряженіями по дому на свойственный ему ладъ. Поговоривъ о томъ и другомъ, онъ потребовалъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и между прочимъ спросилъ: не пріѣзжалъ-ли преосвященный Иннокентій? Никто не вникъ въ точное значеніе словъ, произнесенныхъ самымъ непринужденнымъ образомъ; но, видно, князь лучше всѣхъ насъ постигалъ роковую важность наступившаго для него утра. До четырехъ часовъ по

полудни время тянулось; оно проходило, не оставляя послѣ себя ни особыхъ надеждъ, ни особыхъ опасеній. Но вотъ стрѣлка отцовскаго хронометра двинулась на 4. Возобновился нервный припадокъ, бывшій еще 3-го числа; княгиня на колѣнахъ явилась у подножья кровати. Въ 4 часа 25 минутъ я ей передалъ обручальное кольцо, снятое съ руки покойника.

Вопль и рыданія раздались по всему дому. Въ его хоромахъ мы вдругъ увидѣли не только духовенство, и начальствующихъ лицъ, и близкихъ, и извѣстныхъ людей: кое-гдѣ уже просмыкали и душегрѣйки, и выначканные подушки. Крупныя слезы катились по щекамъ убогихъ, которые на каждой ступени лѣстницы освящались знаменіемъ креста за упокой души новопреставившагося боярина.

Ошеломленный событіемъ, которое хотя и не было непредвидѣннымъ, но все таки еще казалось невѣроятнымъ, я стоялъ безмолвно посреди этого кабинета, въ которомъ такъ долго привыкъ быть какъ у себя.

Взоръ мой окинулъ собраніе: тутъ уже не было ни одного представителя съ 1834 года (повторяю ни одного, потому что Орлай пріѣхалъ гораздо позже). Оно-то странно: не было изъ нихъ ни одного, между тѣмъ какъ я одинъ..... Но нечего срывать повязки съ еще незакрывшихся ранъ.

Понятны были этотъ вопль и эти рыданія. Россія и Русскій народъ лишались не простаго гражданина, не дюжиннаго созданія творческой силы, не человѣка съ обыкновенными качествами ума и сердца. Еще свѣжа была память о неутомимой и многоплодной дѣятельности Воронцова на пользу царской службы; еще помнили, какъ отъ вчерашняго дня, и блескъ его дивнаго сложенія, и христіанскую кротость его души. По милости и довѣрію своихъ сосударей, Воронцовъ неоднократно располагалъ почти что неогра-

ниченкою властью и держалъ въ рукахъ своихъ участь цѣлыхъ племенъ и обширнѣйшихъ областей; но легко жилось при Воронцовѣ, и каждый край, которымъ онъ управлялъ, не остался безъ какого нибудь имъ самимъ вызваннаго существеннаго улучшенія.

Князю Михаилу Семеновичу не читали отходныхъ; но если бы ихъ читали, мнѣ показались-бы онѣ таковыми и для меня. Я съѣлъ съ нимъ не то что пудъ, но болѣе пуда соли. Теперь спрашиваю самъ себя, не обязанъ ли я сохранить для будущаго поколѣнія мои воспоминанія о столь замѣчательной исторической личности? По лучшему разумѣнію, мнѣ кажется, это не только мое право, но и мой долгъ.

Въ повѣствованіи моемъ я не буду придерживаться строгости обычныхъ формъ, для чего понадобились бы данныя, которыхъ тутъ не имѣю. Впрочемъ изъ отрывистыхъ, наброшенныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ замѣчаній, я полагаю, отчетистѣе и цѣльнѣе очеркъ многозначившаго человѣка, нежели изъ послѣдовательнаго день въ день описанія его наружной дѣятельности. Воронцова нельзя помѣстить ни въ формулярномъ о службѣ и достоинствахъ его спискѣ, ни въ *составленной* біографіи.

Всякая идеальность приторна тамъ, гдѣ дѣло должно быть основано на правдѣ, на событіяхъ уже совершившихся и неизмѣнно-законченныхъ. Надо, чтобы историческое лицо являлось предъ потомствомъ не только съ своими доблестями, но и съ своими недостатками: тогда будутъ въ него вѣрить. Если въ народныхъ сказаніяхъ нашъ Петръ великъ, великъ, почти необозримой величины, и если Фридерикъ Второй между своими прозванъ единственнымъ, то это потому, что они, какъ люди тѣла и крови, для народа явленія вполне понятныя, конечно явленія громадныя, но естественно возможныыя, не преукрашенныя, не преувеличенныя до теряющихся размѣровъ.

I.

Домъ Воронцовыхъ произвелъ въ XVIII-мъ столѣтіи Михаила и Романа Иларіоновыхъ, Александра и Семена Романовыхъ и наконецъ нашего Михаила Семеновича: пять человѣкъ государственныхъ людей съ волею, душею и способностями. Этимъ однакожь еще домъ не истощился: изъ него вышли княгиня Дашнова и графиня Бутурлина; тамъ рѣдкій, мужественный умъ, тутъ плѣнительная изящность тѣлесныхъ формъ. Древніе бояре Воронцовы вздрогнули бы въ своихъ гробахъ, еслибы до нихъ могла дойти вѣсть, что геральдикъ князь Долгоруковъ, пресѣкая ихъ родъ подъ Чигириномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ ихъ такого потомства!

Графъ Михайло Семеновичъ родился 19 Мая 1782 года въ Петербургѣ, въ отцовскомъ домѣ на Малой Морской, въ той небольшой комнатѣ, въ которой въ Маѣ 1856 года лежалъ отчаянно боленъ и чуть не скончался.... Шутя, онъ однажды намекнулъ мнѣ на возможность такой случайности и вспомнилъ о Телавѣ. Надо знать, что каждый разъ, когда мы бывали въ Телавѣ, князь съ особеннымъ сочувствіемъ останавливался на нѣсколько минутъ въ покоѣ крошечнаго размѣра, въ которомъ родился, долго жилъ и въ глубокой старости умеръ Грузинскій царь Ираклій II-й.

До 1798 года графъ Михайла Семеновичъ подвигался быстро чинами. На 4-мъ году отъ рожденія онъ былъ записанъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка бомбардиръ-капраломъ и снабженъ по указу Ея Императорскаго Величества для прожитія за границею паспортомъ установленной формы. Я видѣлъ этотъ интересный документъ въ семейномъ архивѣ. Вскорѣ потомъ маленькій графъ произведенъ въ прапорщики, а на 12-мъ году отъ рожденія пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ. Это званіе давало ему право поступить въ военную службу генералъ-маіоромъ; но графъ

съ юныхъ лѣтъ былъ человѣкъ не пылкій, не уносчивый, а разсудительный и толковый. Не даромъ получилъ онъ воспитаніе въ Англіи, гдѣ съ дѣтства внушается въ людяхъ уваженіе къ святости долга. Графъ Михайло Семеновичъ тотчасъ понялъ, что ключъ камергерскій золотой не то, что мечъ булатный, которому ввѣряется, такъ сказать, безусловно не только участь многочисленныхъ подчиненныхъ, но очень часто и честь и слава отечества; а потому просилъ, какъ о милости, о дозволеніи ему начать свое служеніе на военномъ поприщѣ съ младшихъ чиновъ, вслѣдствіе чего, въ 1801 году онъ принятъ поручикомъ на дѣйствительной службѣ въ тотъ же лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ.

Il nous a gâté notre métier, сказали мнѣ однажды въ одинъ голосъ отставной генералъ-маіоръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ и отставной статскій совѣтникъ графъ Александръ Петровичъ Апраксинъ. Въ началѣ текущаго столѣтія, они, при вступленіи въ военную службу, желали воспользоваться правами присвоенными камергерскому званію, но имъ безъ всякихъ околичностей указали на примѣръ Воронцова, и они должны были впредь дальнѣйшаго довольствоваться оберъ-офицерскими чинами.

Хотя графъ Михайло Семеновичъ съ 1786 по 1801 и состоялъ на коронной службѣ, но онъ оставался въ отцовскомъ домѣ. Какъ всѣ смертные его возраста и извѣстнаго званія, онъ занимался азбучкою и грамматикою, классиками и исторіею и пр. и пр., при томъ рѣзвился и шалилъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о его дѣтствѣ; но это самое не доказываетъ ли, что онъ, какъ сынъ Сѣвера, развивался медленно и постепенно? Сколько я слышалъ отъ него, онъ учился довольно лѣниво, предпочитая всѣмъ книгамъ и наукамъ верховую ѣзду и плаваніе по морю, куда отправлялся очень часто, даже въ бурную погоду, съ друзьями своими Брайтонскими рыболовами. Чтобы поддержать подарками ихъ дружбу къ себѣ, онъ входилъ даже въ долги и денежные обороты, о которыхъ впоследствии упоминалъ не безъ улыбки.

Маленькій графъ былъ обыкновеннымъ, но по наружности очень милымъ ребенкомъ. Еслибы когда либо было суждено моимъ воспоминаніямъ объ немъ выйти въ свѣтъ, то я желалъ бы приложить къ ней снимокъ съ портрета, на которомъ онъ представленъ вмѣстѣ съ своею сестрою. Вы видите мальчика лѣтъ 11-ти; сталъ ловкій, общее впечатлѣніе пріятное, головка, какъ будто твореніе Грёза. Дитя надѣваетъ перчатку, и вы тутъ же понимаете, что ему не далось это искусство — искусство, въ которомъ Михайло Семеновичъ, сказать по правдѣ, всю жизнь свою большихъ успѣховъ не сдѣлалъ.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Михайло Семеновичъ уже ознакомился и съ серьезною стороною нашего земнаго быта. Во-первыхъ, зналъ онъ материнскія ласки только по наслышкѣ, потому что графиня Екатерина Алексѣевна, изъ рода Синявиныхъ, его мать скончалась еще въ 1785 году; а во-вторыхъ, когда онъ подростъ, онъ не могъ не замѣтить рѣзкой переменъ, случившейся въ обстановкѣ отцовскаго дома. Графъ Семенъ Романовичъ, его родитель, бывший нашимъ полномочнымъ министромъ при Венеціанской республикѣ, по восшествіи на Всероссійскій престолъ Государя Императора Павла Петровича, находился въ опалѣ: его состояніе было осеквестровано, исчезла изъ дому царственная роскошь Русскаго вельможи, и онъ проживалъ безъ всякаго назначенія, въ томительномъ выжиданіи, на чужбинѣ, именно въ Англіи, странѣ богатыхъ людей, съ скудными средствами скромнаго гражданина, рассчитывающаго на каждую копейку. Князь Михайло Семеновичъ любилъ съ обычною ему чувствительностію повторять, что если тогда графъ Семенъ Романовичъ и его дѣти не доходили до крайности и не терпѣли дѣйствительной нужды, то они этимъ обязаны единственно торговой фирмѣ Томасъ Бонаръ и К^о, которая, по давнишнему знакомству съ графомъ, великодушно предложила ему свои услуги въ несчастіи и снабжала его ссудами по обстоятельствамъ, къ возврату не совсѣмъ вѣрными.

Когда, въ началѣ этого столѣтія, графъ Михайло Семеновичъ прибылъ изъ Англіи въ Петербургъ, въ домъ къ своему дядѣ, вся дворня Александра Романовича бросилась ему на встрѣчу: засуетились управители, повара, лакеи, засуетились даже комедіанты и музыканты. Всѣ эти люди тотчасъ пустились отыскивать его прислугу и были до крайности удивлены, когда наконецъ замѣтили, что молодой графъ пріѣхалъ безъ человѣка, одинъ одинехонекъ. Но канцлеръ *) тутъ вовсе *ничего удивительнаго не нашелъ*; по крайней мѣрѣ такъ говорилъ мнѣ еще недавно баронъ Шрёдеръ, присутствовавшій при свиданіи дяди съ племянникомъ. Надо сознаться, въ этомъ семействѣ Воронцовыхъ, начиная съ Михаила Иларіоновича, другъ друга умѣли понимать: отцы знали, что предстоитъ ихъ сыновьямъ и чего отъ нихъ можно требовать, а сыновья, благоговѣя къ старшимъ, постигали, что имъ нечего перевѣрять отцовскихъ опытовъ. Такъ звено отъ звена не разлучалось; всѣ крѣпили, взаимно пополнялись на постоянномъ пути къ усовершенствованію.

Воронцову не нравилась жизнь разводовъ и парадовъ; ему хотѣлось на дѣлѣ испытать, что такое война и какъ смотрѣть въ глаза человѣку, который идетъ на васъ съ намѣреніемъ нанести вамъ славный, т. е., буде возможно, смертельный ударъ. Рвеніе состязаться на поприщѣ боевомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ гарнизонной службы не есть еще замѣчательная черта въ Михаилѣ Семеновичѣ, потому что она общая почти всему молодому, собственно-Русскому воинству, которое не очень жалуется единообразныя занятія мирной стоянки и всегда радо смѣнить ихъ на опасности кровавой стычки и на широкій разгулъ лагернаго расположенія въ виду непріятеля. Но посмотримъ, *какія* обстоятельства сопровождали командировку графа Михаила Семеновича въ Грузію, въ 1803 году. Вотъ отрывокъ изъ письма, съ которымъ

*) Т. е. графъ Александръ Романовичъ. П. Б.

по поводу этой командировки обращался графъ Александръ Романовичъ къ инспектору Кавказской дистанціи князю Павлу Дмитриевичу Циціанову: „Поелику нигдѣ, кромѣ края, гдѣ вы командуете; нѣтъ военныхъ дѣйствій, гдѣ бы молодому офицеру усовершенствоваться можно было въ воинскомъ искусствѣ, да къ „и тому присовокупляя, что подѣ начальствомъ вашимъ несомнительно можно болѣе въ томъ успѣть, нежели во всякомъ другомъ „мѣстѣ, то по симъ самымъ уваженіямъ, какъ я, такъ и братъ „мой согласились на желаніе графа Михаила Семеновича служить „волонтеромъ въ корпусѣ, находящемся въ Грузіи“.

„На дружескій вопросъ вашего сіятельства, по гвардейскому ли „чину его употреблять имѣю вамъ отвѣтствовать съ такою же „откровенностію, что чинъ его гвардейскій нимало, кажется, не „будетъ препятствовать къ употребленію его, если взять то, что „онъ служить у васъ будетъ не при полку, а генерально при „корпусѣ волонтеромъ; а потому отъ распоряженія вашего зависѣть „будетъ, при случаѣ, поручить ему въ команду detaшментъ, „чему многіе имѣли мы примѣры и въ другихъ войнахъ. Сіе „какъ я, такъ и братъ мой, примемъ знакомъ дружбы вашей; „только прошу васъ не иначе то учинить, какъ поколику позволяютъ „вамъ нынѣшніи воинской службы постановленія“.

„Въ предложеніи вашемъ отправить сюда племянника моего „при радостномъ накомъ событіи вижу я охотливость вашу сдѣлать мнѣ пріятное. Благодаря васъ всемирно за оную, скажу вамъ, „что какъ таковыя посылаются единственно для доставленія имъ „чина, то, по сей самой причинѣ, ни я, ни братъ мой того не „желаемъ. Графъ Михаилъ Семеновичъ, будучи еще довольно молодъ, можетъ успѣть чины заслужить прямымъ путемъ, чѣмъ мы „болѣе будемъ довольны; къ тому же отправленіе это противно „установленію фельдъегерей, для посылокъ учрежденныхъ, да и „вообще мнѣ кажется, что еслибы посылали офицеровъ съ ра-

„достными извѣстіями, то сіе право богѣ принадлежить тѣмъ, кои въ дѣлѣ отличили себя и симъ заслуживаютъ награду“.

„Ко всему этому остается мнѣ повторить то, что я и прежде писалъ вашему сіятельству, что онъ у насъ одинъ и что мы желаемъ, чтобъ былъ полезенъ отечеству своему и, для того, чтобъ усовершенствовался во всемъ, къ тому относящемся. Полагаясь на дружбу вашу и будучи увѣрены, что не оставите его своими наставленіями и доставленіемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ можетъ себя образовать и достигнуть цѣли нашей, мы отдали его, такъ сказать, въ полную вашу благосклонную попечительность, не сомнѣваясь нисколько, что будемъ имѣть причину быть довольными сею посылкою“.

Тѣ, которые писали подъ диктовку князя Михаила Семеновича, безъ сомнѣнія согласятся со мною, что еслибы князю Михаилу Семеновичу встрѣтилась надобность въ 1856 году рекомендовать намѣстнику Кавказскому единственнаго племянника или даже сына, то онъ почти точь въ точь написалъ бы то самое, и даже въ слогѣ и оборотѣ фразъ было бы нѣкоторое сходство.

II.

При штабѣ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса напечатанъ въ 1850 году формулярный списокъ о службѣ и достоинствахъ князя Воронцова. Сообщаю его здѣсь отъ первой до послѣдней буквы. Не смотря на сухость официального изложенія, этотъ документъ стоитъ вниманія: онъ обрисовываетъ внѣшнюю дѣятельность чело-
вѣка и съ точностію опредѣляетъ его обстановку среди своихъ согражданъ.... *)

*) Формулярный списокъ тутъ не приложенъ. П. Б.

Законченъ списокъ, но еще не закончено доблестное служеніе Воронцова и не прерванъ рядъ царскихъ милостей, столь щедро на него изливаемыхъ. Чтобы не оставить своихъ преемниковъ безъ указаній для дальнѣйшихъ дѣйствій по всему, рѣшительно по всему, протяженію Кавказскаго хребта, онъ еще побывалъ въ Августѣ 1851 года на Ганжѣ и на Бѣлой, въ землѣ Абадзеховъ, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Завадовскаго, а потомъ весною 1852 года въ Чечнѣ у князя Барятинскаго, на Бассѣ и Шалинской полянѣ. Въ Октябрѣ того же года онъ ходилъ изъ Новороссійска въ Атагумъ, а въ Маѣ 1853 года проѣхалъ по всей Лезгинской ливіи отъ Аллавердынскаго монастыря до Елису.

Наступила Восточная война, и князь Михайло Семеновичъ, изнеможенный болѣзнію, съ своей кушетки въ Тифлисѣ разбилъ Турокъ подъ Ацхуромъ, Ахалцихомъ и на Башкадыклярѣ. 1854 года 4-го Марта князь Михайло Семеновичъ оставилъ Тифлисъ и отправился къ заграничнымъ минеральнымъ водамъ; того же года Высочайшимъ рескриптомъ отъ 19-го Октября онъ всемилостивѣйше уволенъ по болѣзни отъ занимаемыхъ должностей съ оставленіемъ однакожъ въ званіи генералъ-адъютанта и члена Государственнаго Совѣта. 1856 года получилъ онъ, на Георгіевской лентѣ, бронзовую медаль, высочайше установленную въ память войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ, а 26-го Августа, въ день священнѣйшаго коронованія Государя Императора Александра Николаевича, возведенъ въ званіе генералъ-фельдмаршала.

IV *).

Князь Михайлъ Семеновичъ былъ одаренъ отъ природы славнымъ тѣлосложеніемъ и пригожею наружностью. Я уже замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, что во всѣхъ возрастахъ жизни онъ имѣлъ счастье быть пріятнымъ явленіемъ.

Тонкія, хотя не совсѣмъ правильныя черты его лица и вся осанка превосходно изображены въ его портретахъ, писанныхъ Лоренсомъ и Кригеромъ. Лоренсъ представилъ мушину въ полномъ развитіи и сознаніи своихъ силъ, Кригеръ старца близкаго къ гробу, умильно грустящаго о своемъ невольномъ бездѣйствіи. На обомъ портретахъ мы видимъ человѣка съ его сердцемъ и душою. Напротивъ того, мраморный бюстъ Воронцова, работы знаменитаго Тенерани, мнѣ не нравятся; въ немъ сурово обнаженный лобъ и жесткіе очерки напоминаютъ не столько привѣтливаго государственнаго человѣка, сколько одного изъ тѣхъ глубокомыслящихъ ученыхъ, которыми такъ богата Итальянская земля.

Голова князя Воронцова казалась небольшою; между тѣмъ однакожь она имѣла въ объемѣ $23\frac{1}{2}$ дюйма, т. е. полудюймовъ только менѣе, нежели голова перваго Наполеона. Она была покрыта мягкими шелковистыми волосами, которые спереди образовали оригинальный въ родѣ чубика треугольникъ. Волосы были ровно распределены и безъ всякой плѣтняины; они у него не долго оставались темнорусыми, потому что уже на 25 году въ нихъ показались просѣдины.

Усовъ Михайло Семеновичъ никогда не отпускалъ; носъ его былъ довольно длинный, губы обыкновенныя; вокругъ губъ иг-

*) Для статьи III-ей еще нужны нѣкоторыя справки, а потому она здѣсь не помѣщена. Примѣч. автора.

рала улыбка, но не улыбка лжи, а доброжелательства: потому что, при возбужденіи въ князѣ къмъ либо чувствъ негодованія или нравственнаго отвращенія, она тутъ же исчезала, а вмѣсто нея появлялось легкое подергиваніе мышцъ, окружающихъ правый уголъ рта.

Ростомъ князь Михайло Семеновичъ былъ семи съ четвертью вершковъ, статенъ, не сухопавъ, но безъ всякаго лишняго жиру. Всегда, развѣ за исключеніемъ времени, проведеннаго въ болѣзни, онъ держался прямо. Его нога представляла совершенство пропорцій и замѣчательную изящность формъ; не такъ рукъ, а менѣе еще ногти, которыя какъ будто для забавы его свѣтлость очень часто обрѣзывалъ и общипывалъ до крови маленькими тупыми ножницами. На тѣлѣ, бѣломъ какъ снѣгъ, князь Михайло Семеновичъ имѣлъ однакожъ лицо загорѣлое, красноватое, а руки просто багроваго цвѣта; потому, что если и надѣвалъ перчатки, то только въ защиту отъ холода. Вообще князь былъ чрезвычайно зябокъ и не только ненавидѣлъ стужу, но и терпѣлъ отъ нея серіозную тѣлесную боль, вслѣдствіе чего еще съ молодости началъ носить шерстяныя, по временамъ года, болѣе или менѣе тяжелыя рубашки.

Уши князя были не маленькія, и нельзя сказать чтобы очень красивыя. На лѣвое ухо онъ съ давняго времени ничего не слышалъ, за то различалъ правымъ вблизи и издали съ большимъ совершенствомъ, при чемъ обнаруживалъ рѣдкую музыкальную воспримчивость. Привилегією частной своей глухоты князь пользовался широко, не обращая, подъ предлогомъ что не слышитъ ни малѣйшаго вниманія на разный вздоръ, который, случалось, городили въ ближайшемъ отъ него разстояніи.

Однажды въ Тифлисѣ появились однакожъ и на правомъ ухѣ несомнѣнные признаки глухоты. Глухота эта, усиливаясь день-отъ-дня, продолжалась около трехъ мѣсяцевъ и уже наводила

печаль и уныніе не только на князя но и на всѣхъ его окружающихъ, какъ вдругъ и совсѣмъ неожиданно, мнѣ удалось открыть ея причину въ механическомъ препятствіи. Не вѣря самъ себѣ и еще сомнѣваясь въ успѣхѣ, я безъ всякаго предваренія приступилъ къ удаленію посторонняго тѣла. Это было сопряжено съ нѣкоторою болью, но князь зашатался въ своемъ креслѣ не отъ боли, а отъ радости; милъ и внимателенъ, какъ всегда, въ своихъ домашнихъ сношеніяхъ, онъ тотчасъ вспомнилъ о княгинѣ и вошелъ въ кабинетъ, гдѣ она его ожидала съ утреннимъ привѣтомъ. По обычаю, невольнo принятому въ послѣднее время, она начала говорить громко, рѣзко обозначая удареніе. Чтѣ ты кричишь, матушка? сказалъ ей князь: вѣдь я, слава Богу, не глухъ. Нельзя описать того сердечнаго восторга, къ которому подали поводъ эти слова.

Глаза князя были голубые; въ отношеніи ихъ формы они не представляли ничего особо замѣчательнаго, но на правомъ, возлѣ зрѣницы, было пятно коришняго цвѣта, оставшееся послѣ хроническаго воспаленія. Когда это воспаленіе возымѣло свое начало, мнѣ неизвѣстно; но князь Михайло Семеновичъ лѣчился отъ него болѣе десятка лѣтъ. Я горжусь немного, что успѣлъ, при скудныхъ средствахъ и самой неудобной наружной обстановкѣ (это было осенью и въ лагерѣ, именно подъ Дагестантскимъ ауломъ Салты) избавить Михаила Семеновича отъ недуга, съ которымъ тщетно боролись знаменитые спеціалисты почти всей Европы.

Глаза князя, повторяю, въ отношеніи ихъ формы не представляли ничего замѣчательнаго, но они были замѣчательны по выраженію. Выраженіе это измѣнялось только тогда, когда что нибудь чувственно затрогивало его, какъ человѣка въ частномъ его быту; во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ оно оставалось неизмѣнно ровнымъ и всегда спокойнымъ. Глаза князя не горѣли въ пылу жаркаго дѣла, они не тускли, не дрожали при самыхъ неблагоприятныхъ извѣстіяхъ; ихъ верхнія рѣсницы никогда не опа-

дали, чтобы съ презрѣніемъ взглянуть на подчиненнаго или на просителя; въ нихъ никто никогда не замѣчалъ ни подобострастнаго блеску, ни такъ называемой бархатной туманности, которая знаетъ, что обозначаетъ; глаза его просто выказывали благороднаго разумника, которому по пальцамъ извѣстенъ свой расчетъ съ совѣстью.

Князь Михайлъ Семеновичъ до конца жизни своей не имѣлъ привычки отдыхать днемъ, за то спалъ ночью безпробуднымъ сномъ не менѣе семи часовъ, спалъ, и спалъ хорошо, *comme un prince Romain*, говорилъ онъ самъ. Однажды въ Тифлисѣ, пролежавъ въ постели болѣе обыкновеннаго, онъ, протирая глаза, къ удивленію моему сказалъ: *рамтени ме дзина!* Это фраза, которая непрерывно встрѣчается въ Грузинскихъ простонародныхъ сказкахъ, въ которыхъ богатыри, рыцари и царевицы постоянно спятъ болѣе, нежели прочіе смертные.

Кушалъ князь Михайлъ Семеновичъ въ сутки только два раза: утромъ за чаемъ кусокъ бѣлаго, большею частью подсушеннаго съ масломъ хлѣба, и яичко въ смятку, потомъ за обѣдомъ отъ двухъ блюдъ. Два блюда были неизмѣнно основаніемъ его стола: надъ прочими онъ только лакомился и то въ чрезвычайно крошечномъ размѣрѣ. Опъ очень любилъ простыя, особливо простонародныя кушанья и ненавидѣлъ все, что напоминаетъ сложную, искусственную и искищенную кухню; сластей онъ тоже не жаловалъ, а фрукты, изъ діетныхъ видовъ, употреблялъ очень рѣдко, такъ какъ прежніе годы онъ часто подвергался страданіямъ отъ желудочныхъ кислотъ. Пилъ князь Михайло Семеновичъ изрядно, но только въ установленное время: въ полдень иногда рюмку водки, за обѣдомъ нѣсколько стакановъ въ водою хересу или Кахетинскаго, а потомъ на ночь содовую воду съ хересомъ, или полстакана портеру; водичъ, квасовъ и этого рода прочихъ на Руси употребительныхъ напитковъ онъ терпѣть не могъ. Въ установленнаго времени князь Михайло Семеновичъ никогда ничего не

нилъ, какъ бы его ни мучила жажда; въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ мнѣ сдѣлались извѣстны только два случая, что онъ безъ крайности и особеннаго побужденія отступилъ отъ этого своего кореннаго правила, именно: одинъ разъ въ 1845 году, когда мы вышли изъ Шаухалъ-Берды, онъ напилъ себѣ изъ походной фляжки генерала Фрейтага большой стаканъ Кахетинскаго вина и выпилъ его до дна, съ громкимъ ура, за здоровье вновь прибывшаго отряда; другой разъ въ 1853 году, отвѣдывая воду изъ мечетскаго ключа въ Елису, онъ до такой степени увлекся ея качествами, что не отсталъ, пока не осушилъ всей кружки.

Князь Михайлъ Семеновичъ имѣлъ привычку кушать скоро. Нѣкоторые говорятъ, что онъ кушалъ жадно, но я съ этимъ не согласенъ: онъ просто ѣлъ, какъ человѣкъ проголодавшійся, потому что съ девяти утра до шести пополудни немалый промежутокъ времени. При томъ онъ ѣлъ съ удовольствіемъ, котораго не считалъ нужнымъ скрывать; помню, онъ повторялъ неоднократно и не безъ одобренія слово какого-то Неаполитанскаго вельможи изъ своихъ знакомыхъ, который однажды, читая въ его присутствіи кухонную на день цидулу, съ жаромъ воскликнулъ: *Ah, nommez-moi un plaisir, qui revient tous les jours et qui dure une heure.* Стряпня и съѣстные припасы вообще были предметы, на которые князь Михайло Семеновичъ находилъ возможнымъ ежедневно обратить нѣкоторое вниманіе. Каждое утро онъ говорилъ двѣ-три минуты съ своимъ поваромъ, а потомъ послѣ обычной прогулки предъ самымъ обѣдомъ заходилъ въ кухню. На базарахъ онъ не рѣдко останавливался предъ зеленцами, у рыбныхъ и мясныхъ рядовъ и, разсмотрѣвъ ихъ товаръ, сообщалъ на другой день свои относительныя замѣчанія полицмейстеру. Обѣдая самъ вкусно, онъ желалъ того и цѣлому міру; его мечта для народа была не курица въ горшкахъ по воскресеньямъ, но ежедневно на человѣка по фунту во штахъ мяса и вдоволь каши, хлѣба или картофеля. Онъ не понималъ, чтобы работа жизни и производительнаго труда не находилась до извѣстной степени въ

прямою пропорціональною отношенію къ принимаемой пищѣ; но онъ превосходно зналъ всему мѣру и границы, а потому и самъ подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ, не тратилъ понапрасну изъ своего жизненнаго капитала, а сберегалъ его по возможности.

Прямымъ послѣдствіемъ такого убѣжденія было между прочимъ и то, что заболѣвая онъ лѣчился серьезно и строго исполнялъ данныя ему врачебныя предначертанія.

V.

Образъ жизни человѣка и распредѣленіе его дневныхъ занятій во многихъ случаяхъ могутъ служить зеркаломъ, въ которомъ до извѣстной степени отражается его характеръ.

Князь Михаилъ Семеновичъ, вставши съ постели, тотчасъ одѣвался: онъ не имѣлъ привычки нѣжиться въ халатѣ и никогда въ халатѣ никого не принималъ. Одѣвшись онъ тотчасъ садился за письменный столъ и прежде всего записывалъ въ небольшой разграфленной книжечкѣ, въ немногихъ словахъ, хронику своего кабуна. Если человѣкъ не мелочной и не педантъ, безъ пропуска въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, день въ день записывается, гдѣ былъ и что дѣлалъ, то уже одно это обстоятельство не даетъ ли намъ нѣкотораго объ немъ понятія? Князь писалъ для себя, не для другихъ; слѣдовательно онъ читалъ и промежъ строкъ. Какъ вокругъ нитки, опущенной въ соляной растворъ, садятся кристаллы, такъ надъ его краткими отмѣтками въ родѣ нижеслѣдующихъ: Мобейъ-Велингтонъ — обѣдалъ съ батюшкою, или Андія-Бebutовъ-Хаджи-Муратъ, не могли не возникать воспомнанія, мысли, чувства и даже цѣлыя системы.

Послѣ своего дневника князь Михайло Семеновичъ занимался своими денежными дѣлами. Всѣмъ намъ близкимъ къ нему должна быть памятна та готовность, съ которою онъ любилъ платить по счетамъ; должно быть памятно и то удовольствіе, съ которымъ онъ записывалъ на приходъ причитающееся ему жалованье, сто-

ловья, раціоны, пенсіи на кресты, а также суммы, выручаемыя по статьямъ, имъ самимъ въ его имѣніяхъ созданнымъ. Кореными вотчинными доходами, напротивъ того, онъ интересовался мало; доказательствомъ тому можетъ служить, что болѣе четверти вѣка онъ ни разу не подвергалъ никакому контролю представляемые ему годовые отчеты своихъ главноуправляющихъ.

Около 8 ми часовъ двери кабинета отворялись: входили дежурные адъютантъ и офицеры, полицмейстеръ и сотрудники князя по письменной части. Замѣчательнѣйшіе между послѣдними были въ продолженіе многихъ лѣтъ Степанъ Васильевичъ Сафоновъ и Михайло Павловичъ Щербининъ, нынѣ сенаторы; потомъ баронъ Александръ Павловичъ Николаи, нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ, попечитель Кавказскаго учебнаго округа; теперешніе генералъ-маіоры: князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ и князь Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій, и наконецъ, Александръ Матвѣевичъ Минцінки Барона Бруннова и Алексѣя Иракліевича Левшина я уже не засталъ при этихъ занятіяхъ. По отправленіи дежурныхъ и полицмейстера, князь пересматривалъ бѣгло доставленные ему письма, бумаги и журналы и указывалъ на тѣ статьи, которыя тутъ же ему были читаны. Онъ постоянно выписылъ нѣсколько Русскихъ журналовъ, а также *Journal de St Pétersbourg, des Débats, la Presse, Morning-Chronicle* и *Gaglianis' Messenger*. До начала послѣдней Восточной войны онъ принималъ живѣйшее участіе во всемъ, что происходило на Западѣ; но съ 1853 года, который повидимому потрясъ нѣкоторыя изъ его политическихъ убѣжденій, онъ до такой степени возненавидѣлъ политику, что прекратилъ всякое чтеніе журналовъ и даже о важныхъ событіяхъ узнавалъ не иначе какъ по слуху отъ лицъ его окружающихъ...

За чаемъ, приборы для котораго устанавливались на Англійскій манеръ, князь долго не оставался: онъ спѣшилъ къ своему столу и начиналъ диктовать. Если дѣло шло о предметахъ важныхъ....

Здѣсь рукопись обрывается. П. Б.